

Проблемы изучения

билингвизма:

книга для чтения

2014

Коллектив авторов
Т. А. Круглякова
Проблемы изучения
билингвизма: книга для чтения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9065132

Проблемы изучения билингвизма : книга для чтения / сост. Т.А.

Круглякова (электронное издание): Златоуст; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-86547-823-2

Аннотация

Книга содержит статьи и фрагменты монографий отечественных и зарубежных специалистов, исследовавших процесс освоения второго языка с лингвистических, психолингвистических и социолингвистических позиций. В хрестоматию вошли работы ученых XIX–XXI столетий – классиков отечественного и зарубежного языкознания, основоположников психологии речи и теории речевой деятельности, а также современных ученых, изучающих вопросы становления языковой системы детей и взрослых и функционирования языков в ситуации двуязычия. Многие из представленных трудов стали библиографической редкостью и труднодоступны для преподающих и изучающих языки. Снабженная минимальными комментариями, книга может с

равным успехом использоваться не только в педагогическом процессе при изучении различных курсов магистерских программ «Начальное языковое образование и речевое развитие иноязычных детей», «Психолингвистика и психология речи» и др., но и для самостоятельного чтения, как источник расширения и углубления знаний в вопросах овладения языком.

Для преподавателей, магистрантов, студентов-лингвистов, психологов, методистов, логопедов и для широкого круга читателей.

Содержание

Из истории изучения проблем многоязычия	5
Г. Пауль	18
Смешение языков (фрагмент)	20
Г. Шухардт	24
К вопросу о языковом смешении (фрагменты)	26
И.А. Бодуэн де Куртенэ	31
О смешанном характере всех языков (фрагмент)	33
В.А. Богородицкий	37
Неправильности русской речи у чувашей	39
Ученические ошибки на уроках русской диктовки в татарской школе	52
Ошибки немца в русской речи и русского в немецкой	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Т. А. Круглякова

Проблемы изучения билингвизма: книга для чтения

Из истории изучения проблем многоязычия

Актуальность обсуждения проблем многоязычия в современном мире несомненна. Уже давно двуязычие является скорее нормой, чем исключением, а интерес к изучению иностранных языков вызывает необходимость разработки новых методик их преподавания, основанных на понимании психологических механизмов владения и овладения языком и на сопоставительном изучении систем первого и второго языка говорящего.

За последние пятьдесят лет появилось огромное количество работ, посвященных вопросам овладения вторым родным и иностранным языком в естественных и учебных условиях, особенностям функционирования языка в сознании двуязычных носителей, явлению языковой аттриции – утраты языка, роли первого языка в овладении вторым, специ-

фике ошибок билингвов и др. Современные средства хранения информации позволяют получить быстрый доступ к диссертациям последних лет и статьям, опубликованным в современных журналах. Тем не менее традиции изучения проблем многоязычия часто оказываются за рамками интереса молодых ученых. Нередко случается, что «глухие ссылки» на авторитетные имена кочуют из исследования в исследование как результат бездумного переписывания без попытки интерпретации взглядов предшественников. Однако колоссальный опыт, накопленный современной наукой, во многом действительно базируется на трудах психологов и лингвистов прошлого, предвосхитивших многое из того, о чем говорится в современных публикациях.

Явление многоязычия существовало на протяжении веков, и дошедшие до нас сказания и легенды свидетельствуют о том, что люди издавна пытались найти причины языкового многообразия: библейская легенда о вавилонском столпотворении повествует о возникновении разных наречий как о наказании за человеческую гордыню, актом божественной воли рисуется разделение языков в священных гимнах Ригведы и в Коране, многие народы, например ирокезы, верят, что люди утратили общий язык в результате ссоры между родственниками или друзьями.

В Новое время возникают первые попытки преодолеть языковую разобщенность: философы трудятся над созданием всеобщих рациональных языков, которые были бы лише-

ны ошибок языков живых. И.А. Бодуэн де Куртенэ так комментировал предысторию их создания: «Идея международного языка как соединителя разноразличных людей возникла давно, очень давно. Можно сказать, что зародыш ее был необходимым последствием того, что люди сознали, с одной стороны, многоразличность, а с другой – единство рода человеческого и нужду взаимного общения. Благодаря тоске по языковому единству родилась легенда о вавилонском столпотворении; ибо многоразличие считалось бедствием, считалось божеским наказанием за человеческую гордость и высокомерие. Стремление к языковому единству было одним и не более предлогом для осуществления любви к ближнему, т. е. к гонению „ближнего“ и к издевательствам над ним <...> Во имя языкового единства совершались бесчисленные преступления, гонения и истребления» [Бодуэн де Куртенэ 2010: 158]. Когда же многоразличие перестает восприниматься как кара и проклятие, не только расцветает «языкотворчество» (в 80-е годы XIX века друг за другом возникают волапук и эсперанто), но и начинается серьезное изучение проблем билингвизма.

Языковеды XIX века стремились главным образом постичь, какими путями шло языковое развитие с древнейших времен, и восстановить, как выглядел праязык – язык дописьменной эпохи, лежащий в основе родственных наречий. В науке господствовал сравнительно-исторический метод, суть которого состояла в сравнении диалектов и близко-

родственных языков с целью восстановить формы, характеризующие то состояние языка, которое существовало в эпоху языковой общности. Одной из самых влиятельных научных школ конца XIX века был младограмматизм. Идеологи этого направления призывали внимательно исследовать живые языки, что, по их мнению, должно было помочь обнаружить древнейшие слова и формы и уточнить знания по языковой истории. Ученые выводили законы звуковых и грамматических изменений и рассматривали процессы дивергенции – языкового «расщепления», в ходе которого из общего праиндоевропейского языка образовались современные языки. Конечно, некоторые факты противоречили выведенным языковым законам, но невозможность объяснить эти факты относили на счет несовершенства языковедческих методов и рассматривали как исследовательские ошибки, которые впоследствии могут и должны быть исправлены.

Именно младограмматики, создав мощнейший инструмент анализа путей языковой дивергенции, задумались и об обратном процессе – конвергенции. В монографии, посвященной путям языковых изменений, Г. Пауль (1846–1921) посвятил пусть и небольшую, но отдельную главу языковому смещению, отметив и лексические заимствования, и создание калек – дословных переводов, и заимствование морфем. Немецкий языковед, одним из первых обративший внимание на говорящего человека и отметивший необходимость анализировать индивидуальные языковые особенности, по-

лагал, что, чтобы изучать смешение языков, нужно исследовать сознание двуязычного человека, в речи которого проявляются языковые изменения, после находящие развитие и в языке коллектива.

Постепенно все больше ученых в разных странах приходили к выводу об ограниченности младограмматического учения, стремившегося втиснуть в прокрустово ложе фонетических и грамматических законов многообразие языковых изменений. Объектом внимания лингвистов становятся языковые черты, появившиеся в результате явления конвергенции, или языкового смешения, как его называли в то время. Австрийский исследователь Г. Шухардт (1842–1927) обратился к изучению тех языков, в которых смешение наиболее очевидно, и положил начало креолистике – научному направлению, которое исследует пиджины и креолы – вспомогательные языки, возникшие на базе смешения. Возникает и развивается теория языкового субстрата, родоначальником которой называют итальянского ученого Г.И. Асколи (1829–1907), обнаружившего семитские заимствования в языке этрусков. Субстратом называют следы побежденного языка коренного населения в составе языка-победителя пришельцев; позже начинают писать и о сходных явлениях: суперстрате – следах побежденного языка пришельцев в составе языка-победителя туземного населения и адстрате – двух слоях сосуществующих языков, из которых ни один не господствует над другим. Теория субстрата помогла многое

объяснить в историческом развитии языков и неминуемо сосредоточила внимание лингвистов и на говорящем человеке, так как именно в речи отдельных индивидов постепенно начинается смешение, приводящее к общезыковым изменениям.

В Российской империи одним из первых ученых, заговоривших о языковом смешении, был знаменитый польский и русский лингвист Иван Александрович (Ян Нечислав Игнацы) Бодуэн де Куртенэ (1845–1929). Бодуэн де Куртенэ родился в Варшаве в очень знатной, но обедневшей польской семье. Он не только сам рос двуязычным с детства, пристально изучал сознание говорящего человека, в том числе и полиглота, внимательно записывал речь собственных детей, но и вел активную борьбу за права «малых» языков и их носителей. Бодуэн де Куртенэ писал: «Исследование отдельных индивидуумов бросает свет на исторические изменения в языке вообще. Правда, языкознание почти не может ставить опыты, руководить ими сознательно и соответственно воле экспериментатора, опыты такого рода, какие играют столь значительную роль в естественных науках. Но непосредственное наблюдение явлений, извлечение из них научных фактов можно применить и в языкознании в самом широком масштабе. И именно на индивидуумах мы можем исследовать некоторые явления в увеличенном виде или гораздо более непосредственно, чем это имеет место при исследовании такой абстракции, как язык племенной или народ-

ный» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 227].

Ученики и последователи И.А. Бодуэна де Куртенэ начинают внимательно анализировать индивидуальные ошибки полиглотов в разных языковых областях. Статьи В.А. Богородицкого (1857–1941), посвященные анализу лексических и грамматических ошибок русских в немецкой речи и немцев в русской, а также в письменных работах по русскому языку татарских школьников, работы Е.Д. Поливанова (1891–1938), исследовавшего различные формы фонетической интерференции в самых разных языках народов мира, наблюдения Л.В. Щербы (1880–1944) над «отрицательным языковым материалом» заложили традиции лингвистического изучения феномена многоязычия.

Таким образом, к началу XX века двуязычие рассматривалось лингвистами и как индивидуальное, и как общественное явление. Много позже, в 1961 г., У. Вайнрайх предложил различать «микроскопический» и «макроскопический» подходы: «„Микроскопическому“ рассмотрению явлений языкового контакта на материале поведения отдельных двуязычных носителей может быть противопоставлено „макроскопическое“ исследование результатов воздействия одного языка на другой. При „микроскопическом“ подходе последствия двуязычия рассматриваются на фоне языкового поведения одноязычных носителей. При „макроскопическом“ подходе мы сравниваем язык, который рассматривается как подвергшийся действию контакта, с соседними в пространстве или

во времени участками того же языка, относительно которых предполагается, что они не были затронуты действием контакта» [Вайнрайх 1972: 32]. Однако долгое время исследование индивидуального многоязычия в работах лингвистов часто носило только вспомогательный характер. В статье «К проблематике смешения языков» чешский славист Богуслав Гавранек (1893–1978) писал: «Индивидуальное двуязычие может стать объектом лингвистического исследования, но лишь как симптом, а не как факт конкретного развития языка» [Гавранек 1972: 96]. Об этом же говорил А. Мартине (1908–1999), французский языковед, на протяжении многих лет руководивший одним из самых авторитетных сообществ лингвистов – Европейским лингвистическим обществом: «Тот факт, что Цицерон был носителем латино-греческого двуязычия, оставил неизгладимые следы в нашем современном словаре. Однако индивидуальное многоязычие (именно поскольку менее вероятно, что оно затронет наиболее полно структурализованные аспекты языка, а именно фонологические и морфологические модели), по-видимому, всегда будет оставаться на втором плане, и внимание лингвистов будет обращено на коллективное двуязычие в результате распространения нового языка на весь коллектив» [Мартине 1972: 85].

Индивидуальное двуязычие в Европе первой половины XX века сначала стало основным объектом педагогических и психологических штудий, ставивших себе целью выяснить,

каким образом овладение двумя языками влияет на развитие интеллекта, приносит ли ранний билингвизм пользу или вред ребенку. В 1915 г. И. Эпштейн, работавший в рамках школы ассоциативной психологии и изучавший речевое поведение двуязычных детей в Швейцарии, выдвинул гипотезу о том, что, поскольку мышление основано на ассоциациях между понятиями и словами, у ребенка, который осваивает два языка, формирующиеся ассоциации конфликтуют друг с другом. Эта гипотеза породила много споров и способствовала проведению новых исследований. Чуть раньше, в 1913 г., французский лингвист, специалист в области провансальского и окситанского языков Жюль Ронжа (1864–1925) пишет книгу «Развитие речи ребенка-билингва», в которой прослеживает речевое развитие своего сына Луи, говорившего с отцом по-французски, а с матерью по-немецки. По мнению Ж. Ронжа, непрерывное и последовательное использование в общении с ребенком принципа «один человек – один язык» приводит к успешному овладению фонологическими системами обоих языков и не приносит вреда ребенку. Позже выводы французского исследователя были подтверждены многими учеными: одним из основателей детской психологии немецким исследователем Вильямом Штерном (1871–1938), автором четырехтомного труда «Речевое развитие ребенка-билингва» Вернером Леопольдом, исследовавшим речь своих дочерей, одновременно осваивающих английский и французский языки, и други-

ми. Известный советский психолог Л.С. Выготский (1896–1934) тоже не принял гипотезу И. Эпштейна: он и критиковал теоретические постулаты ассоциативной психологии, и указывал на возможные методические недостатки современных ему исследований.

Психологические исследования вызвали поиски и в сфере методики преподавания иностранного языка, разработки основных методов общения с двуязычным ребенком, организации окружающего ребенка речевого инпута.

Работы психологов, с одной стороны, и пристальное внимание лингвистов к индивидуальным речевым ошибкам – с другой, позволили заложить фундамент новой отрасли знания. Е.М. Верещагин выделяет три основных направления в современных исследованиях билингвизма: «Психология – под углом зрения механизмов производства речи – психология билингвизма. Лингвистика – теория языковых контактов. Социология – поведение и место двуязычного человека или группы людей в обществе – социология билингвизма» [Верещагин 1969: 3–4]. Основы современной теории взаимодействия языков были заложены американскими лингвистами Эйнарсом Хаугеном (1906–1994), автором исчерпывающего исследования языка одной из групп иммигрантов «Норвежский язык в Америке», и Уриэлем Вайнрайхом (1926–1967), создателем фундаментального труда «Языковые контакты». В книге У. Вайнрайха были рассмотрены все три аспекта языкового взаимодействия.

Дальнейшее изучение билингвизма связано как с детальной разработкой каждого аспекта в отдельности, так и с построением интегрированной теории взаимодействия языков. Но, вероятно, следует признать, что наука о языковых взаимодействиях и механизмах одновременного или последовательного овладения двумя языками до сих пор находится в стадии разработки.

В послесловии к книге «Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте» А.А. Залевская, предпринявшая анализ современных, в том числе западных, исследований проблем билингвизма, писала: «Хочу выразить надежду, что изложенные в ней [в книге. – Т.К.] сведения и соображения в какой-то мере смогут способствовать формированию нового поколения исследователей, не отягощенных грузом привычных постулатов, граничащих с предрассудками, и не принимающих любое авторитетное высказывание как истину в последней инстанции» [Залевская 1996: 178]. Полагаем, что ознакомление с первоисточниками, самостоятельное осмысление «авторитетных высказываний» также непременно позволят читателям составить наиболее полную картину представлений о сущности билингвизма, будут способствовать формированию культуры научного исследования.

В книге собраны работы представителей разных научных дисциплин: психологии, языкознания, психо- и социолингвистики. Статьи и фрагменты знакомят читателя с мнения-

ми представителей разных школ и направлений, ученых, чьи работы давно считаются классическими, и современных исследователей.

В некоторых случаях мы вынуждены были выбрать только отдельные фрагменты из классических трудов, что всегда чревато опасностью неправильного истолкования авторских идей. Надеемся, однако, что заинтересованный читатель, прежде чем делать поспешные выводы, непременно обратится к полным версиям книг и статей, проанализировав и сравнив позиции разных ученых.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Вспомогательный международный язык // Бодуэн де Куртенэ И.А. Языковедение и языковые исследования, замечания, программа лекций. – М.: УРСС, 2010. – С. 157–173.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Об общих причинах языковых изменений // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 221–254.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. 6: Языковые контакты. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1972. – С. 25–61.

Верецагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика типологии двуязычия (билингвизма). – М.: Изд-

во МГУ, 1969.

Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. – Вып. 6: Языковые контакты. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1972. – С. 91–112.

Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. – Тверь: ТвГУ, 1996.

Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. – Вып. 6: Языковые контакты. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1972. – С. 81–93.

Г. Пауль

Герман Пауль (Hermann Otto Theodor Paul) (1846–1921) – немецкий лингвист, крупнейший специалист в области фонетики и грамматики германских языков. Книга Г. Пауля «Принципы истории языка», вышедшая в 1880 г., стала главным трудом, обобщившим взгляды представителей одной из влиятельных научных школ в лингвистике конца XIX – начала XX в. – младограмматизма. Младограмматики, как большинство языковедов XIX столетия, занимались изучением истории языка, но, выводя строгие фонетические и морфологические законы языковых изменений, они утверждали, что корни этих изменений лежат в сознании говорящего индивида. Только язык индивида провозглашался реальностью, причем реальностью психической. Рассматривая вопросы языковых изменений, Г. Пауль одним из первых посвящает целую главу своего исследования не только языковой дивергенции – делению общего языка на отдельные диалекты, но и смешению языков, в первую очередь обращая внимание на лексические заимствования, калькирование, сдвиги в значении и звучании слова, заимствование аффиксов. В центре внимания ученого – коллективное двуязычие и его влияние на историческое развитие языка, но серьезный анализ языкового смешения, как отмечает

Г. Пауль, невозможно проделать, не учитывая роль двуязычных индивидов в этом процессе.

Смешение языков (фрагмент)

// Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 459–474.

Исходя из той точки зрения, что никаких языков, кроме индивидуальных, не существует, мы вправе сказать, что смешение языков происходит непрерывно, во время всякого разговора, который ведут между собой два индивида. Ведь при этом каждый из говорящих воздействует на те комплексы представлений (*Vorstellungsmassen*) своего собеседника, которые относятся к языку. <...>

Сначала мы рассмотрим смешение двух четко отличающихся друг от друга языков. Для того чтобы понять, как происходит смешение, нам, конечно, необходимо учитывать роль отдельных индивидов в этом процессе. Толчком для смешения чаще всего является наличие двуязычных индивидов, владеющих несколькими языками или по крайней мере понимающих хотя бы один язык, помимо своего родного. Во всяком случае, здесь необходим известный минимум понимания языка. Ведь то, что усваивается из иностранного языка, должно быть хоть в какой-то мере понято, быть может, не совсем точно, но все же понято.

Ясно, что условия для двуязычия или же более или менее свободного понимания иностранного языка имеются налицо

прежде всего на границах между двумя смежными языковыми территориями, но они не везде в одинаковой степени благоприятны, что зависит от интенсивности общения между данными нациями. Известное значение имеют также путешествия отдельных лиц в чужие страны и их временное пребывание на территории другого языка; более заметную роль играет постоянная миграция отдельных групп людей, еще более важную – массовое переселение из одной страны в другую, завоевания и колонизация. Наконец, знание чужого языка может быть приобретено и без непосредственного контакта с соответствующим народом через письмо. В этом случае знакомство с чужим языком обычно остается достоянием определенной прослойки, выделяющейся уровнем образования. Благодаря письменным источникам языковой материал может заимствоваться не только из живых иностранных языков, но также и из отдаленных по времени периодов развития родного языка.

Там, где имело место далеко идущее скрещивание двух народов, двуязычие становится весьма обычным явлением, а вместе с ним начинается и взаимное влияние языков друг на друга. Если при этом один из народов чем-то превосходит другой – своей численностью, или политическим и экономическим могуществом, или же в духовном отношении, – то его язык начинает употребляться все шире, оттесняя другой на задний план; в конце концов двуязычие снова сменяется господством одного языка. В зависимости от силы сопро-

тивления, оказываемого побежденным языком, этот процесс может происходить несколько быстрее или несколько медленнее, а следы, оставленные этим языком в языке-победителе, могут быть более или менее глубокими.

У отдельного индивида смешение тоже не сводится к простому перемешиванию элементов двух разных языков; трудно представить себе, чтобы речь индивида могла состоять из разнородных элементов, смешанных примерно поровну. Если он одинаково хорошо владеет двумя языками, он, быть может, будет очень легко переходить от одного из них к другому, но все же в пределах отдельной фразы основой его речи всегда будет являться какой-нибудь один язык, другой же будет играть лишь второстепенную роль, правда, привнося при этом более или менее существенные изменения в основной язык. Ясно, что все это еще в большей степени относится к тому, кто не приобрел навыков речи на чужом языке, а только в какой-то мере понимает его. У того, кто говорит на двух языках, каждый из них, несомненно, может оказывать влияние на другой, иностранный язык – на родной и родной – на иностранный. Влияние родного языка, как правило, сказывается сильнее. До тех пор пока чужой язык усвоен не вполне, это неизбежно. Однако влияние чужой речи на родную порой становится очень сильным, это имеет место там, где люди сознательно поддаются ему, чаще всего вследствие того, что иностранный язык и чужую культуру они ставят выше отечественных. Между различными видами взаимного вли-

яния тоже имеется известное различие. Надо полагать, что иноязычные слова проникают в тот или иной язык в большинстве случаев непосредственно через тех индивидов, для которых данный язык является родным. Но, с другой стороны, и сам усваиваемый чужой язык тоже неизбежно видоизменяется благодаря подстановке звуков и влиянию внутренней формы родного языка.

Но хотя толчок к возникновению влияния одного языка на другой исходит, несомненно, от индивидов, владеющих – пусть даже в весьма ограниченной степени – обоими языками, тем не менее благодаря выравниванию в процессе общения это влияние может распространиться еще шире внутри языкового сообщества, подчиняя себе и тех индивидов, которые не имеют никакого непосредственного контакта с иноязычной стихией. При этом последние испытывают влияние не только со стороны своих соотечественников, но в некоторых случаях также и со стороны представителей чужого народа, усвоивших их язык. Конечно, эти индивиды будут воспринимать иноязычные элементы лишь очень медленно и в небольших количествах.

Г. Шухардт

Гуго Шухардт (Hugo Ernst Mario Schuchardt) (1842–1927) – австрийский лингвист, специалист в области романских, кавказских, баскского, венгерского языков. Выступая против господствующей в лингвистике конца XIX в. концепции родословного древа, согласно которой в ходе развития из общего праиндоевропейского языка выделились различные диалекты, легшие в основу современных языков, Г. Шухардт писал о всеобщем и всеобъемлющем языковом смешении, об обязательном наличии не только языка-матери (праязыка), но и языка-отца – того наречия, которое соприкасалось с языком и влияло на его развитие. Изучение процесса смешения языков ученый считал необходимым проводить там, где это смешение наиболее очевидно, что заставило его обратиться к рассмотрению креольских языков – смешанных языков, возникших на основе искусственных наречий, приспособленных для общения разноязычного населения, но ставших родными для большей части говорящих. По мнению Г. Шухардта, любые изменения в языке неразрывно связаны с его носителем, поэтому в многочисленных статьях ученого, посвященных проблемам языкового смешения, появляются наблюдения над трудностями, с которыми сталкивается человек, вставший перед

*необходимостью найти общий язык с иноязычными
окружающими.*

К вопросу о языковом смешении (фрагменты)

// Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 174–184.

До последнего времени язык рассматривался обычно как самостоятельный организм, как субъект, в то время как в действительности он является лишь продуктом деятельности субъекта, представляя собой не что-то готовое и законченное, но вечно развивающееся и во всех своих изменениях зависящее от самого субъекта. <...>

Проблема языкового смешения, тесно связанная с проблемой двуязычия, весьма сложна и запутана и может быть разъяснена лишь на основе психологии. Два языка смешиваются не как две неоднородные жидкости, но как две разные деятельности одного и того же субъекта. Впрочем, заходить так далеко не следует: полностью идентифицировать язык с его субъектом невозможно. <...>

Возможность языкового смешения не знает никаких ограничений; она может привести как к максимальному, так и к минимальному различию между языками. Смешение может иметь место и при постоянном пребывании на одной и той же территории, но только в этом случае оно проявляет-

ся весьма интенсивно и осуществляется сложным путем. Но особенно сложным и причудливым становится пересечение линий, если мы от языкового единства перейдем к индивидуальному языку. Всякий индивидуум познает и модифицирует свой язык в общении с другими индивидуумами. Это все-стороннее, никогда не прекращающееся языковое смешение препятствует образованию значительных расхождений внутри пребывающих в постоянном общении групп.

Нам остается сделать последний шаг; даже внутри языков, воспринимаемых как нечто вполне однородное, мы также находим смешение: так называемые аналогии возникали на его основе. В нашем мозгу существует целый мир языковых представлений, каждое из которых связано самым различным образом со многими другими. Степень прочности этих связей постоянно меняется, что и вызывает в языке многочисленные и далеко идущие изменения.

Уже из этого беглого наброска (нуждающегося не только в дополнениях, но и в уточнении) можно положительно констатировать, что процессы, вызванные смешением в прямом смысле этого слова, по существу идентичны с многочисленными и чрезвычайно важными процессами, протекающими в языке независимо от смешения. Последние стали предметом интенсивных занятий благодаря усиленному интересу, вызываемому их результатом. Но наблюдение и изучение действующих в языке сил окажутся много доступнее и успешнее, если исходный и конечный пункты их будут отно-

ситься к двум различным и замкнутым в самих себе группам явлений. При этом можно будет исходить, с одной стороны, из современной обстановки, с другой – из подлинного языкового единства, из индивидуального языка. <...>

Отсутствие в том или ином пункте слова, обозначающего какой-либо предмет, представляет собой больше трудности, чем наслаивание слов, когда сходные предметы имеют различные названия. Представим себе, что в пункте А два до некоторой степени сходных между собой растения называются одним и тем же словом, в то время как в пункте А1 для этих растений существуют два различных названия. В результате тот, кто живет в А1 и привык к различным наименованиям этих растений, разговаривая на хорошо известном ему языке А и зная в нем лишь одно название для обоих растений, не решится, пожалуй, обозначить более редкое из этих растений названием того, что встречается чаще; он скажет: «Это не то растение – в А1 его называют так-то; как его называют в А, я не знаю». То же наблюдается и в родном для нас языке, когда мы принуждены отказываться от того или иного наименования, не имея возможности вместе с тем заменить его другим; конечно, я имею в виду здесь не индивидуальные ошибки памяти, но те слова, от которых большинство языкового сообщества отказывается, пусть даже они и будут зарегистрированы в каком-либо словаре. <...>

Чтобы постигнуть образование *lingua franca*, мы должны обратиться к примерам из индивидуального языка; при

этом мы еще раз сможем убедиться во власти языка над мыслью. Мы говорим о ком-нибудь, кто не силен в том или ином языке, что он коверкает (escoge; estropie) этот язык, и это порождает в нас представление, что причина этого лежит в самом говорящем. А между тем всякое коверкание исходит в первую очередь от наследственных носителей языка, подобно тому как язык детей определяется языком няnek. Выражаясь образно, не чужестранцы выламывают из прекрасного прочного здания отдельные камни, чтобы построить из них убогие хижины, но сами туземцы доставляют нам камни для данной цели. Никто не оспаривает, что араб, употребляющий глагол *mangiar* в значении «есть, кушать», узнал его или непосредственно, или при посредстве других от итальянца; но то, что он употребляет *mangiar* также вместо «я ем», «ты ешь», «он ест» и т. д., считают обычно его собственным достижением. Между тем стремление добиться взаимопонимания при помощи простейших вспомогательных средств и прежде всего путем ликвидации многообразия флексий и в том и в другом языке могло быть одинаково сильным с обеих сторон; иначе как бы араб, не сведущий в итальянском языке, додумался до того, чтобы использовать в качестве общего представителя для *mangio, mangi, mangia* (я ем, ты ешь, он ест) инфинитивную форму *mangiar*? Лишь хорошо ознакомившись с каким-либо романским языком, он смог бы уловить частоту употребления и функциональную широту романского инфинитива, но и в этом случае он предпочел

бы скорее третье лицо единственного числа, поскольку в его собственном языке нет ничего соответствующего этому инфинитиву, и говорил бы, например, не *mi voler mangier*, но *mi voule mi mangia* (буквально *мне хотеть есть; мне хочет мне ест* в смысле «я хочу есть»). Именно европейцу обязан инфинитив своим универсальным применением и тем, что он безраздельно господствует теперь во всех созданных в целях взаимопонимания языках первой и второй степени. <...>

Комментарии

Lingua franca (язык франков) – смешанный язык на основе лексики французского, прованского и итальянского языков, возникший в Средневековье для переговоров арабских и турецких купцов с европейцами. В современной науке термином *lingua franca* обозначают функциональный тип языка, который используется как средство общения между носителями разных языков в определенных сферах взаимодействия (например, английский как язык обучения и науки).

И.А. Бодуэн де Куртенэ

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (Jan Niesisław Ignacy Baudouin de Courtenay) (1845–1929) – российский и польский языковед, один из самых известных и влиятельных отечественных лингвистов рубежа XIX–XX веков, создатель казанской и петербургской лингвистических школ. В трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ выделены основные языковые единицы (фонема и морфема), разграничены статика, динамика и история языковых явлений, описаны основные причины и пути языковых изменений. В многочисленных статьях Бодуэн де Куртенэ настаивал на смешанном характере всех языков и призывал исследовать индивидуальные особенности речи, из которых впоследствии вырастают общезыковые различия. В автобиографии, написанной для «Критико-биографического словаря» С.А. Венгерова, Бодуэн де Куртенэ утверждал, что «мысль о необходимости психологического объяснения развития языка»¹ витала в воздухе и одновременно пришла в голову немецким, русским и польским ученым. Но новизну «общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка», он видел, в частности, в

¹ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – СПб., 1897. – Т. V. – С. 31.

том, что основой для языковедческих штудий «должна служить не только индивидуальная психология, но и социология»². Бодуэна де Куртенэ можно считать основоположником многих новых дисциплин, в том числе «эмбриологии языка» – онтолингвистики. С 1885 г. и на протяжении многих лет ученый вел дневники, наблюдая за речевым развитием своих детей, отмечая в том числе и факты «языкового смешения» в их речи.

И.А. Бодуэн де Куртенэ не был кабинетным ученым. Он не только исследовал «малые языки», но и смело выступал за их права. За брошюру «Национальный и территориальный признак в автономии» (СПб., 1913), расцененную как призыв к мятежу, ученый был арестован, приговорен к двум годам лишения свободы, но после нескольких месяцев, проведенных в Петропавловской крепости, освобожден по настоятельным ходатайствам коллег. В 1918 г. Бодуэн де Куртенэ возвращается на родину, в Польшу, где он продолжает исследования и политические выступления. В 1922 г. 77-летнего ученого даже выдвигали на пост президента Польши от организаций национальных меньшинств.

² Там же. С. 33.

О смешанном характере всех языков (фрагмент)

*// Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по
общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во Академии
наук СССР, 1963. – Т.1. – С. 362–372.*

<...> Каждый из нас обязан смотреть собственными глазами. Если же взглянем собственными глазами на вопрос о смешении или несмешении языков, должны будем согласиться, что нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого.

Смешение есть начало всякой жизни, как физической, так и психической. <...> Смешение замечается уже в развитии языка индивидуального, при усвоении ребенком языковых ассоциаций, необходимых для возникновения самостоятельной индивидуальной языковой жизни. На ребенка влияют окружающие, его родители и другие близкие лица. У каждого из этих лиц есть свой особый язык, отличающийся непременно, хотя бы только в минимальных размерах, от языка других лиц. И вот под влиянием этих разных индивидуальных языков происходит образование нового индивидуально-го языка, в котором почти всегда в случаях разногласия дано будет предпочтение особенностям, легче усваиваемым и требующим меньшего напряжения.

[Так, например, если в русской или польской семье хотя бы только одно лицо произносит \tilde{y} (\tilde{y}) вместо l (l) или же заднеязычное («горланное») p (r) вместо p (r) переднеязычного, у детей этой семьи в большинстве случаев явится наклонность именно к такой же звуковой подстановке: ребенок станет тоже произносить $\tilde{y}a$ ($\tilde{y}a$) вместо la (la) и pa (ra) (с p заднеязычным) вместо pa (с p переднеязычным).]

Посредством браков происходит смешение языков семейных, вследствие же столкновения племен и народов – взаимодействие, взаимное влияние и смешение говоров и затем, в более обширных размерах, смешение целых языковых областей и племенных и национальных языков.

Влияние смешения языков проявляется в двух направлениях: с одной стороны, оно вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы (запас слов, синтаксические обороты, формы, произношение); с другой же стороны, оно является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка. При его содействии происходит гораздо быстрее упрощение и смешение форм, устранение нерациональных различий, действие уподобления одних форм другим (действие «аналогии»), потеря флексивного склонения и замена его сочетанием однообразных форм с предлогами, потеря флексивного спряжения и замена его сложением однообразных форм с представками местоименного происхождения и вообще с разными вспомогательными частицами, потеря мор-

фологически подвижного ударения и т. д.

<...> При столкновении и взаимном влиянии двух языков, смешивающихся «естественным образом», победа остается в отдельных случаях за тем языком, в котором больше простоты и определенности. Переживают более легкие и ясные в своем составе формы, исчезают же более трудные и нерациональные. Итак, если смешиваются два языка, в одном из которых существуют родовые различия, в другом же этих различий не имеется, то всегда в языке, остающемся как результат смешения, произойдет или полное исчезновение, или же по крайней мере ослабление этих родовых различий. Если только в одном из смешивающихся языков имеется член (*articulus*) или же личные притяжательные суффиксы (т. е. суффиксы, означающие принадлежность предмета или лица известному лицу: «мой», «твой», «его», «ее», «наш», «ваш», «их»), то гораздо более вероятно, что этот «аналитический», или децентралистический, признак привьется языку, являющемуся результатом смешения, нежели наоборот.

То же самое относится и к перевесу двух смежных языков в «борьбе за существование»: победа остается за языком, легче усваиваемым и требующим меньшей затраты энергии, как физиологической, так и психической. Так, например, в местностях, где румыны живут бок о бок с немцами или славянами, языком преобладающим, языком междуплеменного общения является язык румынский; и это понятно, так как язык румынский легче усваивается немцами и славя-

нами, нежели наоборот. Точно так же, вследствие относительной легкости татарского языка в сравнении с языком русским, представляющим гораздо более трудностей, языком междуплеменного общения между крестьянами русского и татарского происхождения в пределах России является обыкновенно язык татарский. Конечно, это имеет место только при так называемом естественном ходе вещей, при отсутствии сознательного вмешательства административных властей и других политических и общественных факторов, прибегающих к разным предохранительным и принудительным мерам.

Комментарии

Аналитический способ — способ выражения грамматических отношений при помощи служебных слов.

Флексивный (флективный) способ – способ образования форм с помощью флексий (окончаний), т. е. морфем, сочетающих в себе несколько значений (например, числа и падежа, лица и числа).

В.А. Богородицкий

Василий Алексеевич Богородицкий (1857–1941) – ученик и последователь И.А. Бодуэна де Куртенэ, один из первых специалистов в области экспериментальной фонетики, исследователь тюркских языков, один из основоположников татарского языкознания, автор работ «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию» (Казань, 1933), «Введение в татарское языковедение в связи с другими тюркскими языками» (Казань, 1934), «О научных задачах татарского языкознания» (Казань, 1934) и др.

Всю долгую жизнь В.А. Богородицкий проработал в Казани, где он преподавал не только в университете, но и в татарской школе, где, ведя тщательные записи, непосредственно наблюдал, как татарские дети осваивают русский язык. Опыт многолетней работы в татарской школе Богородицкий обобщил в книге «О преподавании русской грамматики в татарской школе» (1883), многократно переиздававшейся в Казани. В статьях, посвященных усвоению языка, как первого, так и второго, Богородицкий обращал внимание на важность изучения конкретной ошибки, которая может и приоткрыть завесу над тайнами освоения языка и помочь правильно построить работу по совершенствованию владения речью. Скрупулезный

анализ ошибок «иностранцев» в русской речи, который высоко оценил И.А. Бодуэн де Куртенэ³, может послужить прекрасным образцом внимательного отношения к языковому материалу.

³ *Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков (отрывок) // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 1. – С. 372.*

Неправильности русской речи у чувашей

// Богородицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. – Казань: Татиздат, 1933. – С. 106–112.

Предлагаемый материал был собран мною в 1890 г. в г. Чебоксарах б<ывшей> Казанской губ<ернии>, а ныне центре Чувашской АССР, путем разговоров с прибывавшими в этот город из окрестных деревень чувашами (особенно в базарные дни). Первая, сравнительно небольшая, часть материала записана лично мною, а вторая, по моей просьбе, М.Ф. Федоровым, учителем Чебоксарского городского училища (переведенным затем в г. Царевококшайск, в советское время получивший название сначала Краснококшайск, а ныне национальное Йошкар-Оло), природным чувашиним. Записи сделаны общеупотребительным русским письмом. Вопросы, предлагавшиеся для ответов чувашам, для отличия заключены в скобках. В подстрочных примечаниях я поясняю более типичные особенности речи, а в конце статьи представляю некоторые общие выводы. Лица, ближе знакомые со свойствами чувашского языка, извлекут из предлагаемого материала немало других выводов, например, относительно порядка слов в приводимых фразах и т. п. Область смешан-

ных говоров в СССР представляет пока – можно сказать – непочатый еще угол для исследователя: русская речь татар и татарская в устах русских; русская речь в устах немца и обратно и т. п. Все это ждет исследований. Во время вышеупомянутого моего пребывания в Чебоксарах один чувашин говорил мне, что у них в деревне парни стремятся достигнуть того, чтобы казаться не чувашами, а совершенно русскими как по языку, так и по манерам и костюму, т. е. хотят вполне обрусеть; теперь автономия предоставила широкую возможность чувашской народности к развитию родного чувашского языка и родной культуры.

1. Время-то прошел уж⁴.
2. Все (рубашка) смотрит твоя⁵.
3. Севодни пойдём (вместо пойду).
4. [Продаешь?] – Продаём (вместо продаю).
5. Конежно (конечно).
6. Та (да)⁶.
7. 60 творов.

⁴ Т. е. *Уж прошло время*. Чувашский язык, подобно языкам турецко-татарским, не различает родов; потому чувашин, говоря по-русски, вместо трех родовых форм прош. вр. пользуется одной, оказавшеюся для него более типичною, именно формою муж. р. В синтаксическом отношении заслуживает внимания предпочтительное помещение глагола-сказуемого к концу фразы, соответственно порядку слов в чувашском.

⁵ Т. е. *Все смотрит твою*. Уменьшение разнообразия русских форм: вместо вин. ед. стоит им. ед.

⁶ В начале слова вместо звонких согласных употребляются парные глухие, а внутри слова при звонком соседстве более озвонченные.

8. Бøл (вместо был)⁷.
9. Металим пришел (с медалью пришел)⁸.
10. На пчельник шиву (т. е. живу) я⁹.
11. [Давно живешь в Чебоксарах?] – Три день уж.
12. [Куда?] – Базар¹⁰.
13. Женить (вместо – ся).
14. Нанимаю, ково лошадь есть¹¹.
15. 70 верст¹².
16. Сил нет.
17. Уясный¹³.

⁷ Буквою ø я обозначил звук, средний между *ы* и *у*. Нужно думать, что в чувашском нет гласного *ы*, а есть *в*; последний гласный и служит в русской речи чувашина субститутом русского *ы*. Впрочем, ср. еще транскрипцию слова «мы» (№ 41, 61, 70).

⁸ Окончание – *м* одно из любимых в русской речи чувашина; при этом форма употребляется обычно без предлога (соответственно агглютинирующему характеру чувашского языка) и без особого внимания к типам склонения. Вообще чувашин применяет не все разнообразие окончаний, как то же явление наблюдается некоторое время у детей при усвоении родного языка. Не трудно составить таблицу тех сравнительно немногих окончаний, которыми пользуется чувашин взамен трудного для него разнообразия.

⁹ На вопрос «где?» употреблен предлог, но падежное окончание при соответствующем существительном отсутствует.

¹⁰ На вопрос «куда?» не употреблен предлог, а только форма существительного, взятого в падеже наименования.

¹¹ Пропуск предлога *у*.

¹² Слышался гласный *о*^а. Форма употреблена правильно.

¹³ Т. е. уез(д)ный; вместо сочетания *ji* субститутом является *ja*.

18. Помер (по-миру)¹⁴ пришел.

19. Прат¹⁵ нет; сесьтра¹⁶ есь.

20. Лет у мене четырнатцьть¹⁷.

21. Кашный (день) ни ходил¹⁸.

22. Деревня наш велик¹⁹.

23. Дом ни шытал²⁰. – Наш река есь Сугуть. Отсуда тва верст.

24. [Грамоте не учился?] – Учил своя теревня²¹.

25. [Кто учил?] – Хведерь²² Якичь.

26. [Как зовут твоего отца?] – Спъридон²³, мать – Малане.

Отца одеца (т. е. отцова отца)²⁴ – Малахевей.

¹⁴ Нет падежного окончания.

¹⁵ Глухой согласный вместо звонкого в начале слова.

¹⁶ *Сь* (т. е. *с'* под влиянием палатальности предшествующего гласного): прогрессивное направление ассимиляции – характерное явление чувашского, равно как и турецко-татарских языков.

¹⁷ Пропуск слабого неударяемого гласного в конечном закрытом слове.

¹⁸ Т. е. не *каждый* (народн. *кажрый*) *день ходил*.

¹⁹ Употребление прилагательного в форме муж. рода при существ. ж. р.

²⁰ Простой согласный вместо усиленного: *ш* вместо *шш* (лрн. считал, т. е. ш'ч', а народн. шш).

²¹ На вопрос «где?» при сущ. ж. р. на – я предлог отсутствует, а само существительное является в форме наименования (ср. № 12). – Вместо глагола на – ся стоит глагол без – ся (ср. № 13).

²² Субституция звука *ф* через *хв*; гармония гласных (*е – е*) и смягчение конечного согласного (*р*) под влиянием предшествующего палатального гласного.

²³ Пропуск слабого неударяемого гласного во втором слове перед ударением.

²⁴ В слове *одеца* (от слова *отец*) имеется звонкий согласный вместо глухого в

27. Хлеб есть маненько местом: который сагон есь, который сагон нет; ямам есь; около лесох²⁵ тоже маненько есь. – Хлеб не родил (не родился).
28. Хлеб купам (т. е. покупаем).
29. Которы погаты санимаем (у богатых занимаем)²⁶.
30. Это с Управа²⁷ отавал.
31. Я один; хозяйка умер²⁸.
32. Сорок тва творох²⁹.
33. Яровой-та, слав пох³⁰, поправляется теперь.
34. [Кто у вас священник?] – Молодой, он недавно пришел.
35. Казань видать надо.
36. Пьрохот тьвидамса-та, пост стал (опоздали).
37. Мы чоша (дашевого)³¹ тьжидаемса, нет витно.
38. [Хорошо ли живут в Уфимской губернии?] – Хорошо, коворит, писмепускал!
39. [Кого ищешь?] – Таварішь.

положении между гласными.

²⁵ – *ох* вместо – *оф*.

²⁶ Глухие согласные в начале слов взамен соответствующих звонких.

²⁷ Употреблен предлог, но существительное без изменения (ср. № 10).

²⁸ Прошедшее время употреблено в форме мужского рода вместо женского (ср. № 22).

²⁹ *т-* вместо *д-*; – *х* вместо – *ф*.

³⁰ Отсутствие слабых неударяемых гласных (= *слава богу*).

³¹ Ср. *дёшево*.

40. Он са Волгу яхать³² хотел-да, вот сато тѣжидамса.

41. [Откуда ты?] – Мый стешний.

42. Влес³³ курит (горит)³⁴ стал быть³⁵.

43. Нитокмошта Казань³⁶, Чимбирь поедем.

44. Сухом-та лошадем³⁷ нужно ехать, ни скоро.

45. Казят³⁸ не пишет чей, что война будет.

46. Что лошадь смотрил; с Пидерборх³⁹ лхвицарь⁴⁰ пришел.

47. Что, правда ли, корова ширный⁴¹ смотреть будет?

48. [Много ли у вас ребят?] – Ребят наш-та? Девка был –

³² я вместо *jä*, в гармонии с следующим гласным.

³³ Нет падежного окончания (= *в лесу*).

³⁴ Относительно произношения гласного *o* в чувашском языке нужно иметь в виду диалектическое различие: «чувашский язык принято делить на два наречия – верховое и низовое; в первом звук *o* выговаривается довольно чисто, а в последнем он уподобляется звуку *y*, хотя и не переходит в настоящее густое *y*» [Добролюбов 1879: 8].

³⁵ = *стало быть* – произнесение слабого неударяемого гласного. См. еще раз под № 78; ср. выше № 33.

³⁶ Нет предлога при собственном имени, на вопрос *куда?* ср. фразу № 12.

³⁷ Падежные формы на – *m* принадлежат к числу употребительнейших в русской речи чувашей.

³⁸ я вместо *ä*, в гармонии с гласным предшествующего слога.

³⁹ *ɖ* вместо *t* между гласными; относительно *o* ср. выше вторую сноску к № 42; при слове *есть* предлог, но нет падежного окончания (ср. № 30).

⁴⁰ Начального слабого неударяемого гласного нет; *xv*– вместо *φ*-.

⁴¹ Начальное *ш* вместо соответствующего звонкого согласного; нет согласования прилагательного, которое обычно берется в форме муж. рода независимо от окончания существительного (ср. № 31).

умер⁴²; брат был – другой⁴³ место отдал.

49. [Из какой деревни?] – Мигольской⁴⁴.

50. [Как тебя зовут?] – Сёмгой.

51. [Хорошо ли вы живете?] – Петна (бедно).

52. [Есть ли у вас богачи?] – Не снаю, сабыл.

53. [Что стоит пара лаптей?] – Педачек⁴⁵.

54. Косить не вышел (не вышли) аше⁴⁶.

55. Сазатка⁴⁷ давал рублехка⁴⁸ не опманил, так латна⁴⁹.

Муки продавам кулем.

56. Хлеб шал хозяйской пищем⁵⁰ 15 коп.

57. Три дней⁵¹ шал.

⁴² Нет различия рода в прош. времени глагола (ср. № 31).

⁴³ Однообразная форма прилаг., именно на – *ой* (resp. *-ый*).

⁴⁴ *z* вместо *k* между гласными.

⁴⁵ *ð* вместо *t* между гласными.

⁴⁶ *ш* вместо *ши*.

⁴⁷ Т. е. *задатку*, вместо *д* стоит *з*, быть может, в силу ассимиляции слогов по начальному их согласному.

⁴⁸ *хк* вместо *фк*; и в народных русских говорах это слово встречается в таком произношении, а по наблюдению профессора Селищева – тоже и в данном районе.

⁴⁹ Наречие оканчивается на – *a* неударенное; вероятно, по аналогии к этому, и в случае ударенности окончания таковым является в речи чувашина – *a* (ср. выше фразу под № 51).

⁵⁰ Прилагательное является в своей обычной форме на – *ой*, а существительное употреблено в одной из наиболее любимых форм (именно с окончанием – *м*).

⁵¹ По образцу таких русских выражений, как *5 дней* и пр. Ср. выше фразы под № 7, 32, 15. Встречается данное выражение и без окончания: № 11.

58. [Что дорого просишь?] – Дорого не спросим.

59. Они нашу землю взял да⁵², сатем вот хлопочем.

60. Опять сечас и назадь обратни приедет.

61. Преже⁵³ ладел⁵⁴ этой землей мый. Теперь Кузьма Ку-
рьяняыч хлопотал да, снянат руку приложил.

62. У нас план есь, а оне новый план делал.

63. Оне бают лежать земля. Тягал, тягал да таки пропал
наша земля.

64. Ничего, найдет толка.

65. Кого-небудь заденет.

66. Наша земля самый первый сор⁵⁵.

67. Ладенный⁵⁶ запись не най⁵⁷ куды пошел.

68. План наш руках⁵⁸ ходит.

69. Сколько обытки⁵⁹ делал себе.

70. По сороки коп. с души платили мый.

71. Сколько скотины, все написал.

⁵² Глагол в прош. вр. во множественном числе является в форме ед. ч. (ср. выше № 36, 40, 61), отчасти, быть может, благодаря смешению с союзом *да*, и частица «да» применяется в форме постпозиции (ср. выше № 36, 40, 61), отчасти, быть может, благодаря смешению союза *да* и постпозиционной частицы – *то*.

⁵³ лрн. прежде.

⁵⁴ л– вместо *вл–*.

⁵⁵ – *р* вместо – *рт*.

⁵⁶ л– вместо *вл–*.

⁵⁷ *н* вместо *зн*.

⁵⁸ Падежная форма без предлога.

⁵⁹ См. выше сноску к № 42.

72. Синдий⁶⁰ сказал: хлопочи – говорит, пожай⁶¹ чертежный кенчелярь⁶².

73. Стад быть дело будет сыснова. Чертежный кенчелярь пошел Казань самое настоящее до конца искать.

В заключение представлю некоторые выводы и соображения по поводу приведенного материала.

В отношении фонетическом чуждыми для чувашина звуками являются русские звуки *ы*, *ф*. Согласные *ц* и *ч* передаются вообще правильно. В произношении русских слов отражается гармония гласных, причем определяющим гласным русского слова является гласный ударяемый, как наиболее характерный, и с ним гармонируют даже гласные предшествующих слогов (ср. *кенчелярь*), хотя в иных случаях определяющим является начальный слог (*казят*). Прогрессивное направление ассимиляций согласных, столь характерное для турецко-татарских языков, можно видеть в смягчающем влиянии палятального гласного на следующий согласный (*Хведерь*). Такому направлению ассимиляции соответствует и та особенность в чувашской фонетике фразы, что

⁶⁰ Так переименована фамилия *Свенцицкий*.

⁶¹ Лрн. *поезжай*.

⁶² Нет предлога при выражении на вопрос *куда?* В вокализме слова *кенчелярь* можно заметить явление гармонии, именно и в начальном слоге палятальность подобно следующим слогам; *ч* вместо *ц* следует приписать народной русской фонетике, откуда слово воспринято в речь чувашина. Относительно передачи звука *ц* ср. выше фразу под № 46 и ниже под № 73.

начальный согласный в слове находится в зависимости от конца предшествующего слова (вообще наиболее варьирует первый согласный суффиксального и, во фразе, корневого слога в противоположность арио-европейской фонетике)⁶³. Подобным способом изменения звука в фразе можно объяснить в некоторых случаях колебание между начальными глухими и звонкими согласными в одном и том же слове, напр. в частице *да*, ср., напр., 36 и 40. Нужно еще указать на частый пропуск слабых неударяемых гласных (ср. аналогичные случаи в детской речи) и на упрощение некоторых согласных групп.

В отношении морфологическом нужно иметь в виду иной морфологический строй чувашского языка – агглютинирующий; в связи с этим нужно поставить частый пропуск предлогов при падежных формах. Затем чувашский язык представляет однообразие флексии, и чувашину трудно усвоить разнообразие окончаний одной и той же формы в русском языке; потому-то в устах чувашина русская морфология является в сильно сокращенном виде (ср. аналогичное явление

⁶³ Ср. в цитированной выше книге Добролюбова, стр. 10 (по поводу чувашского аффикса *за* [Добролюбов 1879: 10]), (по поводу аффикса *сам* [Добролюбов 1879: 13]) и в особенности [Добролюбов 1879: 11]: *гу̇̀берниньчэ*: корень *куберня* – *губерния*; *г* вместо *к* после *н* в окончании *Хозан*. Ср. на той же странице: «*борнызе*: не *порнысе* потому, что в первом случае предшествующее слово оканчивается на *р*, который (так же, как *л*, *м*, *и*) смягчает [точнее – озвончает] следующие за ним парные согласные звуки; а в последнем случае твердый [точнее – глухой] звук *с* (*порнысь*), как очутившийся между гласными, перешел в мягкий [точнее – звонкий] *з*.

в детской речи): особенную употребительность в склонении существительных получают окончания; более характерные, напр., *-ов* и *-м*; особенно последнее окончание фигурирует на месте целого ряда разных форм. Встречаются и некоторые другие окончания, особенно в типичных сочетаниях, напр., *дней* при числительных, и даже «три *дней*». Прилагательное обычно является с неизменным окончанием *-ий* или *-ой* без соблюдения родов, которых не различает чувашский язык. То же и в форме прош. времени глагола.

В отношении лексическом обращает внимание неправильное употребление некоторых слов, например, *пришел* вместо *прибыл* (№ 34, 46); сюда же относится и странное употребление слова *заденет* (вероятно, вместо *застанет*, № 65).

В синтаксическом отношении обращает внимание склонность к помещению глагола в форме *Verbi finiti*, равно как и неопределенного наклонения, к концу фразы. Эта черта объясняется особенностями словорасположения в чувашском языке⁶⁴.

Вообще говоря, русская речь чувашей отражает, с одной стороны, особенности их природного языка, а с другой стороны – особенности местного русского говора. Из приведенных примеров можно заключить, что в местном простонародном русском говоре Чебоксарского района гласному *о* со-

⁶⁴ Ср. дословный русский перевод чувашского текста в цитированной выше книге Добролюбова [Добролюбов 1879: 28].

ответствуют в разных неударяемых положениях следующие рефлексы: ь | о | ò | о (ь) а; напр., тьжидамеа, пьрохот (№ 36), латна (№ 55); ср. еще четырнатцьть (№ 20). Что касается говора самого города Чебоксар, то коренное его население тоже окает. Приведу еще перечень других слов, могущих (если сделать в них надлежащие поправки или субституции) служить для характеристики в том или ином отношении простонародного русского говора чебоксарского района: топерь (№ 33, 61), маненько (№ 27), прежде (№ 61), конежно (№ 5), кашный (№ 21), шытал (№ 23), äше (№ 54), пожай (№ 72), есь (№ 27), оке (№ 12), купам (№ 28), тжидамса || тжидаемса (№ 36, 37, 40), смотреть (№ 47), смотрил (№ 46), кенчелярь (№ 72), баяют (№ 63), нитокмошта (№ 43).

Литература

Добролюбов А.И. Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей /Под ред. Н.И. Золотницкого. – Казань, 1879.

Комментарии

Агглютинирующие (агглютинативные) языки – языки, преобладающим типом словоизменения в которых является

агглютинация, т. е. выражение грамматических значений с помощью стандартных и однозначных приставок и суффиксов.

Неопределенное наклонение — глагол в форме инфинитива.

Палятальный (палатальный) гласный – гласный переднего ряда (например, [э], [и]), вызывающий смягчение (палатализацию) предшествующего согласного.

Слабый гласный — безударный редуцированный гласный звук.

Турецкие языки — устаревшее название тюркских языков, широко распространенных в Азии и Восточной Европе (казахского, азербайджанского, татарского, турецкого и др.).

Verbi finiti — глагол в личной (спрягаемой) форме.

Ученические ошибки на уроках русской диктовки в татарской школе

// Богородицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. – Казань: Татиздат, 1933. – С. 138–142.

Изучение ученических ошибок при письме приводит к установлению их типов и пониманию причин, а вместе с тем помогает находить лучшие способы разъяснения ученикам их ошибок, удерживая в то же время преподавателя от излишней взыскательности⁶⁵. Ошибки представляют некоторые новые черты в том случае, когда диктуемый текст принадлежит чужому языку. Чтобы познакомить читателя с особенностями в ошибках учеников татарской школы на уроках русской диктовки⁶⁶, я рассмотрю ошибки в семи уче-

⁶⁵ Ср. мою брошюру «Изучение малограмотных написаний», 1881 г. (оттиск из Фил. Зап.); статья затем перепечатывалась с изменениями в моих «Очерках по языковедению и русскому языку».

⁶⁶ Мои замечания опираются на мой опыт преподавания русского языка в Казанской татарской учительской школе в период 1881–1884 гг. В школу поступали ученики нередко с очень слабым знанием русского языка, но за время пребывания в школе они успевали в достаточной мере усвоить русский язык и его правописание, чему немало содействовало то, что преподаватели всех предметов обращали внимание при своих уроках и на русский язык. В своей статье я имею в виду ученические ошибки, а не описки (о типах описок см. в моих «Лекциях по общему языковедению», 1915, стр. 199–204).

нических тетрадах первого класса, взяв начало диктованного мною текста «Ось и чека». При диктовке этого текста я произносил слова согласно нормальному литературному выговору, а не приспособляясь к требованиям орфографической передачи. Сначала я приведу самый материал ошибок, расположив его в прилагаемой специальной таблице: в первом вертикальном столбце этой таблицы последовательный ряд цифр указывает порядок слов текста, самые же слова приведены одно под другим во втором вертикальном столбце; дальнейшие вертикальные столбцы, зарегистрированные сверху начальными буквами русского алфавита, заняты ошибками из тетрадей учеников (ошибки против буквы и мною исключены)⁶⁷. Читая таблицу в горизонтальном направлении, мы наблюдаем за вариациями в передаче одного и того же слова в разных тетрадах, а рассматривая вертикальные столбцы, можем следить за характером ошибок и их индивидуальностью у отдельных учеников (пустые клетки указывают на отсутствие ошибки).

⁶⁷ Ученики происходили из разных местностей: а) Казань, б) Свияж. (дер. Татарская Наратли), в) Тетюш. (д. Шамболкчи), г) Тетюш. (д. Утямыш), д) Уфим. (Новый Усман), е) Уфим. (д. Арская), ж) Сарапул. (д. Деветерни).

Табеллярное представление ошибок

	а	б	в	г	д	е	ж
ехал	ехл	ехол		ехл		ехл	ехл
извощик ¹		извошек		извошек		избушек	извочек
Семен	семен	симен		симен	Симен	Симён	Симен
с кладью	складью	с кладню	кладню	кладню	складню	кладею	кладню
глухой		голохой	глохой	глухой		глохой	глохой
дорогой	дарогой	дароги	дороги	дароги	дороги	дароги	даругои
по голому	поголуму	паголуму		пагулму			
ровному	ровнуму						
степному		стикному				с тиному	стебному
месту.				место			место
беда							
не по лесу	польсу	польсу	полсу	ползу	полесо	полесу	ни польсу
ходит,		ходить		ходет	ходет	ходет	хоет
а найдет						анаидют	наиет
беда							
растворяй ворота	рстваряй врата	рстварей варата	ростворей	рстваряй ворото	рстваряй варата	рстврий	рстоваран

Статья написана в 1921 г., опубликована в 1933 г. В словах из диктанта, предложенного ученикам В.А. Богородицким, мы сохраняем старые правила орфографии, измененные в 1956 г. (*Прим. Т.К.*)

Приведенный в таблице небольшой материал позволяет установить следующие типы ошибок.

1) По отношению к вокализму ряд написаний свидетельствует о подчинении русских слов закону тюркской гармонии гласных; ср. передачу слов «глухой» через *о – о* (5 б, в, е, ж) или *у – у* (5 г) и «ворота» через сплошное *а* (17 б, д) или через сплошное *о* (17 г). Этот тип написаний гармонирует с тем обстоятельством, что и само произношение (просто-

народное) татарами русских слов подчиняется закону гармонии.

2) По отношению к отдельным гласным наблюдаем тенденцию к обозначению ударяемого *o* посредством начертания *y* (2 е, 5 г, 6 ж, 7 г), а после мягких согласных – через *ю* (14 е), и – наоборот – нередкое обозначение *y* через *o* (5 б, в, е, ж, 10 г, ж, 12 д), встречающееся в слогах ударяемом, первом перед ударением и на конце слова, т. е. в тех положениях в слове, которым свойственно сильное или же довольно сильное произношение. Эта особенность письма отражает в значительной мере замену в татарском простонародном произношении гласных *o* и *y* русских слов. Аналогичную субституцию встречаем и по отношению к гласным *e* и *и*, причем *e* часто передается посредством *и* (3 б, г, д, е, ж, 9 б, е, 16 е), а гласный *и* через *e* (2 б, г, е, ж, 13 б, г, д, е, ж). Интересно отметить написание «рстврий» (16 е), где гласный *a*, окруженный мягкими звуками, передан через *и*, т. е. подобно передаче гласного *e*, а это свидетельствует, что звук такого *a* склоняется к *e* (ближе к произношению данный гласный передан в написании «ростворей» 16 в). Здесь мы имеем пример того, как ошибочные написания могут давать указания на нюансы воспринимаемых звуков чужого языка.

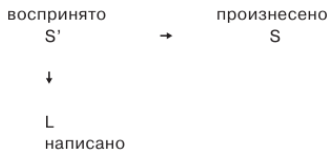
3) О неударяемом вокализме заметим, что при передаче русских слабых мимолетных гласных, обозначаемых в научной транскрипции через *ъ* (= краткому, слабому *ы*) и *ь* (= краткому, слабому *и*), особенно часто встречающихся

во втором слоге перед ударением и после ударения внутри слова, характерною чертою является полный пропуск такого гласного; ср. передачу слов «ехал», «ровному», «растворяй», «ворота», «по лесу» (в написании «польсу» *ль* выражает только мягкое *л* с нулем гласного). Интересна разнообразная передача конечного слабого неударяемого *ой*, обозначаемого в научной транскрипции посредством *ъ*, см. передачу слова «дорогой». Наряду с пропуском отметим и пример вставки гласного между *г* и *л* в предупредительном слоге слова «глухой» (ср. 5 б). Акающее произношение орфографического *о* в слоге первом перед ударением отражается в частой передаче через *а*, ср. написания слов «дорогой», «по голому», «растворяй», «ворота».

4) В области согласных можно в нашем тексте отметить несколько характерных ошибочных написаний. Сюда относится написание «избушек» (2 е), могущее стоять в связи с тем, что в татарском языке, по моим наблюдениям, встречается произношение *б* с столь слабым смыканием губ, что звук слышится средний между *б* и *в*, то есть похожий на тот и другой; отсюда рассматриваемое написание приводит к вопросу, не проявляется ли в нем особенность диалекта писавшего (уроженца дер. Арской, Уфимской губ.). Здесь мы видим, как малограмотные написания могут оказываться полезными для диалектологии языка. Отметим далее написания «стебному» (9 ж) и «ползу» (12 г), где глухой согласный передан начертанием соответствующего звонкого, т. е.

был воспринят с звонкостью, очевидно благодаря соседству с сонорным согласным (*н, л*); написание «стикному» (9 б) представляет весьма обычную ослышку, состоящую в замене смычного согласного одного органа произношения смычным другого органа; очевидно, слово не было понято писавшим. Отметим еще пропуск мягкого согласного *д* в словах «ходит» (13 ж) и «найдет» (14 ж), оба случая у одного и того же ученика. Написание «ходеш» соответствует особенности татарского языка, состоящей в некотором смягчающем влиянии палятального гласного на следующий за ним твердый согласный.

5) Вообще, при оценке ошибочных написаний как гласных, так и согласных нужно считаться с тем, что пишущий чуждые звуки воспринимает в окраске своих (автоморфизм), соответственно чему и обозначает их. Самый процесс «автоморфичного восприятия звуков + графическая передача» можно представить в следующей схеме:

При этом процессе, в случае отсутствия вполне подходящего обозначения, естественно происходит субституция начертаниями звуков близких («приблизительное обозначение»).

ние»). Сюда, например, относится передача слова «кладью», кроме правильного написания, еще посредством «кладию»; ср. также варианты в обозначении конечного слога в слове «дорогой».

б) В морфологическом отношении отметим частое написание предлогов и предложных частиц слитно с последующим именем, ср. в таблице передачу выражений – «с кладью», «по голому», «по лесу». Эта черта, обычная и у русских учеников, в письме татар находит поддержку в том, что в татарском языке категория предлогов отсутствует, заменяясь послелогоми. Аналогичное явление наблюдается и по отношению к написанию союзов. Из других явлений укажу на случаи ошибочного «морфологического переразложения», происходящие от непонимания морфологического состава слов, например, написание «с тиному» (9 е; ср. и другие написания того же слова); в другом диктованном тексте («Две бочки») встречаем в одной из тетрадей такие написания, как «с качнесетса» (= вскачь несется), «поля завни» (польза в ней), т. е. случаи переразложения не внутри слова, а между словами предложения. Конечно, здесь в широкой мере проявляется степень индивидуальной подготовленности учеников в области русского языка.

Приведенными наблюдениями, выведенными из предложенного небольшого текста, я и ограничусь. Моею целью было обратить внимание преподавателей на то, как много поучительного и важного для пользы дела может дать внима-

тельное рассмотрение ученических ошибок⁶⁸.

Комментарии

Гармония гласных (от греч. *armonia* – созвучие, связь) – уподобление гласных в суффиксах гласному корню по признаку места образования, лабиализации и др.

⁶⁸ Весьма интересные наблюдения над русским письмом учеников-грузин сообщает в своей статье об орфографии преподаватель Потийской гимназии С. Дanelия (в Приложении II к Циркуляру Кавказского учебного округа за 1915 г.), причем он для иллюстрации приводит образцы ученических текстов, к которым присоединяет комментарий, а сверх того для подкрепления своих положений обращается к статистическому методу.

Ошибки немца в русской речи и русского в немецкой

// Научно-педагогический сборник IV. – Казань:
Восточный педагогический институт в Казани,
1928. – С. 168–177.

Когда говорящий еще недостаточно овладел чужим языком, а приходится ему объясняться на этом языке, то, естественно, в его речь проникают неправильности. Эти последние, если мы оставим в стороне недостатки произношения⁶⁹, сводятся к двум главным типам:

1) ошибочные образования по аналогии к тому, что имеется в языке своем, природном (если, например, немец, говоря по-русски, о собаке скажет «он», то это потому, что в его родном языке говорится *der Hund*, подобным образом в немецкой речи русского могут встретиться такие ошибки, как *die Helf* ↑ к *тетрадь* ж.р.⁷⁰;

2) ошибочные образования по аналогии к тому, что име-

⁶⁹ О неправильности произношения я говорил в исследовании «Очерки физиологии произношения языков французского, английского и немецкого сравнительно с русским» (1903), эта статья с легкими сокращениями вошла в мои «Очерки по языковедению и русскому языку» 1909, 1910.

⁷⁰ В своей статье я пользуюсь условным знаком ↑ для образований по аналогии, показывающим, что слово или выражение, стоящее перед этим знаком, образовано по аналогии к поставленному за этим знаком.

ется в языке изучаемом (ср. такие случаи в неправильной русской речи немца, как *ленивость* вместо *леность*, т. е. неправильная подстановка суффикса, существующего в языке, или в немецкой речи русского *ich will zu sagen*).

Первый тип ошибок зависит от того, что при разговоре на чужом, недостаточно усвоенном, языке сохраняется во время речи в большей или меньшей степени внутренняя форма родного языка, так что мысль предварительно проходит через выражение на родном языке; ошибочные образования второго типа, составленные по образцу того, что усвоено из изучаемого языка, особенно часто встречаются там, где в изучаемом языке имеется разнообразие формальных признаков для одной и той же функции (напр., в русском языке окончания *-а* и *-у* в род. ед. муж. р., *-ат* и *-ут* в 3 мн. наст. вр. глаголов), а также в тех случаях, когда в изучаемом языке существуют особые выражения для таких оттенков значения, для которых в природном языке нет соответствующих выражений (ср. виды в русском глаголе). По мере успехов в изучаемом чужом языке говорящий постепенно привыкает переводить свои мысли непосредственно в выражения этого языка без посредства родного при одновременном расширении навыков к правильным формам и выражениям на этом языке, пока не получится в результате автоматизм, приближающийся более или менее к автоматизму родного языка.

Поставленный нами вопрос представляет двоякий интерес: 1) научно-теоретический – для освещения процесса

языковой смешанности, привходящей в жизнь каждого языка, а также для характеристики черт сходства и несходства обоих пришедших в соприкосновение языков; 2) педагогический – для более успешного преподавания и изучения данного иностранного языка.

Наш материал получен частью из непосредственного заслушивания разговорной речи, а частью из ученических тетрадей. Пользуясь этим материалом, мы укажем типы ошибок, относящихся преимущественно к начальным ступеням изучения, – из области морфологии (включая сюда флексию и словообразование) и синтаксиса.

А. Ошибки немца

1. Затруднения и ошибки в области морфологической, как уже замечено выше, значительную долю приходится на случаи, когда в изучаемом чужом языке для одной и той же формы существуют различные образования или когда в языке природном нет различия в формах для тех или других формальных семантикологических оттенков, существующих, однако, в изучаемом языке.

В области морфологии имени существительного можно отметить следующие виды ошибок:

а) по отношению к категории грамматического рода, причем ошибка обнаруживается из неправильной формы прилагательного-определения. В этих случаях, как мы видели, на ошибку влияние оказывает род соответствующего существительного в языке природном: *великолепное трава* (ср. нем.

das Gras), у каждого могилы (↑ к нем. das Grab), в статье помещенном (↑ der Artikel), у проволоке (↑ der Grant);

б) ошибки вследствие отнесения слова в другой тип склонения благодаря совпадению этих типов в некоторых формах и, между прочим, в форме им. ед.: *дождею* (вместо *дождем*), *бояров* (вместо *бояр*), *маленькие сада* (вместо *сады*).

Ошибки такого рода объясняются аналогией к фактам изучаемого языка без какого-либо воздействия со стороны родного языка, завися от незнания говорящего с частностями типов. Но встречаются случаи, где присоединяется и влияние родного (немецкого языка, как, напр., в следующих *pluralia tantum* на – *a*, ср. р., принятых за форму ед. ч. имен. ж.р., чему благоприятствовало то, что соответствующие слова в языке природном известны в форме ед. ч., хотя и другого рода: *рубят дрова, накладывают ее на сани* (ср. нем. das Holz), *ворота, возле которой* (das Tor);

в) ошибки в окончаниях под влиянием соотношений в родном (немецком) языке: *собирают в лесу черника, земляника, малина* (вместо *чернику* и пр.). Эту ошибку я объясняю тем, что соответствующие слова в немецком имеют одинаковую форму для вин. и им. (как в самих словах, так и в члене).

Может быть, так же объясняется и ошибка: *от улица* (вместо *от улицы* ↑ *von der Strasse*, где в немецком форма существительного в дат. падеже совпадает с формой им. падежа).

К морфологии глагола относятся следующие типы:

а) чаще всего встречается неправильное употребление ви-

дов русского глагола, вообще являющихся камнем преткновения для иностранца; чаще наблюдается применение образований несовершенного вида вместо совершенного, особенно для прош. времени и отчасти для неопр. наклонения. Примеры: *они ненавидели* (вместо *возненавидели*) *его еще больше*; *облачко росло и наконец покрывало* (вместо *покрыло*) *все небо*; *народ назвал полководцем Пожарского и бил* (вместо *разбил*) *врагов* (по-немецки был бы употреблен тоже беспредложный глагол *hat geschlagen*); *народ делал* (вместо *сделал*) *под ним исполинские шаги в образовании*; *некоторые породы человек делал* (вместо *сделал*) *совсем ручными*; *герцог требовал* (вместо *потребовал*) *отца и спросил его*; *народ хотел выбирать* (вместо *выбрать*) *царем Владислава*; *он думал, как бы устроить* (вместо *устроить*) *финансы*; *он знает ловить* (вместо *поймать*) *льва*; *правление его остается* (вместо *останется*) *вечно незабвенным*.

Реже встречается обратная замена, т. е. постановка формы совершенного вида вместо несовершенного: *гроза освежит* (вместо *освежает*) *природу, все, что она делала или сказала* (вместо *говорила*)⁷¹.

⁷¹ В собственноручных письмах Екатерины II можно встретить неправильности, аналогичные указываемым здесь, напр.: *начала спросить* (вместо *спрашивать*), *начали убрать* (вместо *убирать*). См.: Сочинения Императрицы Екатерины II под ред. академика А.Н. Пыпина, т. 12 (1907), стр. 503, 769. На стр. 768–769 отмечен в качестве вариантов целый ряд неправильностей разного рода (напр., смешение начертаний *ы* и *и* под влиянием произношения, ошибочное применение падежных форм и т. п.).

б) ошибки по отношению к глаголам переходным на – *ся*, происходящие оттого, что в немецком языке в ряде случаев таким русским глаголам отвечают глаголы без – *ся* (*sich*): *в это время начал* (вместо *начался* ↑ *began*) *дождь*.

Обратный случай имеем в следующем примере: *дамы спешили* (вместо *спешили* ↑ *sich beeilten*).

в) ошибки в формах наст. вр. глаголов на – *овать*, представляющих особенность в образовании: *красоваяются* (вместо *красуются*), *подковает* (вместо *подковывает*, здесь еще ошибки и по отношению к категории вида).

Приведенные здесь неправильности возникли по ложной аналогии к тому, что имеется в изучаемом языке, именно – по аналогии к глаголам на – *ать/-аю*.

Что касается ошибок по словообразованию, то они определяются действием тех же двух факторов, как и выше, т. е. влияниями языка природного и изучаемого. В самом деле, если у говорящего на чужом языке не хватает запаса слов, то он собственным творчеством составляет слова и описательные выражения (неволью прибегая также к помощи жестов и указания на предметы). При этом творчестве он для данного семантиологического представления создает слово по типу имеющегося обозначения в родном языке с помощью соответствующих морфем (корней, суффиксов, префиксов) языка изучаемого. Такой способ передачи обусловливается тем, что у говорящего на чужом языке, недостаточно усвоенном, сохраняется во время речи в большей или меньшей

степени внутренняя форма собственного языка, это проявление последней вместе с тем служит доказательством действительного ее существования в языковом мышлении. Обратимся к примерам: *ленивость* (вместо *леность*): *ленивый* – *ленивость*, ср. *faul* – *Faulheit* – суффикс языка изучаемого прибавлен соответственно ходу словопроизводства в языке природном; *симпатический* (вместо *симпатичный*): подстановка другого суффикса, именно – *ический*, нередко встречающегося в соответствии с немецким суффиксом – *isch* (ср. *sympatisch*); *ветер оторвал* (вместо *сорвал* ↑ *abgerissen*) *ему шляпу с головы*; *открыли зонтики, но ветер повернул их* (вместо *вывернул* ↑ *kehrte sie um*); *высших и низких* (вместо *низших* ↑ *niedrig*) *училищ*; *крестьяне начинают резать* (вместо *жать* ↑ *schneiden*) *хлеб*; *целый народ* (вместо *весь народ* ↑ *das ganze Volk*); *гроза освежит целую* (вместо *всю*) *природу*; *небо растягиванно колоколом* (*dehnt sich glockenförmig aus*); *снял серебряный крест и дал это нищему* (вместо *его* ↑ *dieses*, т. е. *das Kreuz*)⁷².

2. Ошибки в области синтаксиса. К отделу синтаксиса мы относим рассмотрение не только видов предложений, но также и типичных синтаксических групп и сочетаний, напр. сочетание прилагательного с существительным, падежных форм с предлогами и т. п. Необходимость отдела синтаксиче-

⁷² Прибавим ошибочные выражения *плоская* вместо *мелкая вода*, *толстый* (вместо *густой*) *туман*, заслушанные в Выборге и обязанные влиянию шведского языка.

ских групп и сочетаний подсказывается наблюдениями над развитием речи ребенка, который, прежде чем начнет говорить целыми предложениями, приучается к разным синтаксическим группам, а привыкнув к таковым, он их вводит в более сложные комбинации и строит целые предложения. Таким образом, синтаксические группы или сочетания слов представляют переходную ступень от слова к предложению, а потому изучение синтаксических сочетаний слов не исключает необходимости и их типов. Привычка к синтаксическим группам позволяет говорящему легко организовать сложные фразы, но играет тоже важную роль и при слушании чужой речи, позволяя наперед догадываться по слышанной части о последующем. Таким образом, под синтаксическими группами мы понимаем не вообще какие бы то ни было сочетания слов, а сочетания типичные, облегчающие механизм речи. После сделанного нами общего предварительного замечания обратимся к указанию типичных ошибок в этой области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.